

Номенклатура Назирова архива. Дополнения

После смерти Р. Г. Назирова в силу ряда причин его архив оказался разделен. Большая часть осталась в квартире ученого, и была описана его сестрой Д. Г. Назировой, разделившей общий фонд архива на три категории по формам хранения: папки, пачки документов и пачки документов с literой «Д»¹. Однако другая часть была перевезена в квартиру Д. Г. Назировой, где и хранилась до самой ее смерти в 2010 году.

Позднее открытие этой части архива повлекло за собой расширение представлений о научном и творческом наследии Назирова. Именно в ней нашлись его дневники, охватывающие двадцать лет его жизни с 1950 по 1971, обширная летопись XIX века, ряд папок и пачек с материалами и исследованиями разной тематики. Поскольку к этому моменту уже была разработана номенклатура архива, для этих материалов мы вводим еще одну — четвертую опись. Деления по формам хранения (папки, пачки и др.) в ней не будет. Однако Д. Г. Назирова, сохранила авторское распределение материалов на папки и пачки, дав основания для деления описи на дела.

Наибольший интерес на данном этапе работы с наследием Назирова представляют именно дневники. Большая часть дневников написана в обычных школьных тетрадях (исключение — дневники начала 1950-х, записанные в самодельных тетрадях, сшитых из листов писчей бумаги). Дневники в целом были разделены в архиве на четыре больших пачки, внутри которых содержатся связки по годам:

1) Пачка «1950—1955» внутри делится на две связки — «1950—1951» и «1951—1955», содержит в общей сложности более 650 листов.

2) Пачка «1956—1958» — большой массив тетрадей, более 900 листов.

3) Пачка «1958—1962» разделена на связки «1958—1961» и «1961—1962» и содержит в общей сложности более 500 листов.

4) Пачка «1962—1971» делится на связки «1962—1963», «1964», «1965» и «1966—1971»; в целом более 700 листов.

Деление дневника на пачки и связки, видимо, отражает представления Назирова о своей биографии. Частично эти представления можно реконструировать. Так, например, 1962 — год поступления Назирова в аспирантуру филологического факультета МГУ, безусловно, очень важная для него веха. На 1958 год приходится завершение его работы (по распределению, после учебы в БГПИ им. К. А. Тимирязева) в школе села Бишкаин и начало журналистской карьеры. С другой стороны, не вполне понятно, что заставило Назирова поделить дневник по 1955 году.

¹ См. о текстологии архива в целом и принятой номенклатуре ссылок: *Орехов Б. В.* Текстология Назировского архива // Назировский архив. 2013. № 1. С. 145—159.

Как бы то ни было, в описи мы сохранили это деление на уровне связок тетрадей, установив следующее деление на дела:

- 1) дело № 1, «Дневник 1950—1951 гг.»;
- 2) дело № 2, «Дневник 1952—1955 гг.»;
- 3) дело № 3, «Дневник 1956—1958 гг.» Для удобства хранения цифровых копий листов дело имеет два раздела. В ссылках обозначается № 3а и № 3б;
- 4) дело № 4, «Дневник 1958—1961 гг.»;
- 5) дело № 5, «Дневник 1961—1962 гг.»;
- 6) дело № 6, «Дневник 1962—1963 гг.»;
- 7) дело № 7, «Дневник 1964 г.»;
- 8) дело № 8, «Дневник 1965 г.»;
- 9) дело № 9 «Дневник 1966—1971 гг.» Для удобства хранения цифровых копий листов дело имеет два раздела. В ссылках обозначается № 9а и № 9б;

Соответственно, архивная ссылка, например, на первую страницу дневника выглядит так: АРГН, оп. 4, д. 1, л. 002.

Несмотря на принадлежность к одному жанру, дневники Назирова представляют собой весьма разнородный фонд. Судя по очень небольшому количеству помарок и исправлений, только меньшая часть из них представляет собой непосредственную фиксацию каждодневных событий и чувств. Текст большей части дневниковых тетрадей не производит впечатления спонтанного ни с содержательной, ни с текстологической точки зрения. М. С. Рыбина, публикатор «Ленинградской тетради» — дневника лета 1952 года, рассказывающего о неудачной попытке поступления Назирова в ЛГПИ им. А. И. Герцена, — указала на его литературный характер: «“Дневник молодого человека” динамично развивается как сюжет «романа карьеры»: приезд молодого провинциала в столицу, интерес к истории Французской революции и «наполеоновские» планы. На то, что это моделирование отчасти сознательное, указывает девиз Растиньяка “Parvenir!” (запись от 2 июля 1952 года)»². Правда, это ценное наблюдение в кратком предисловии к публикации не получило должного развития, однако сама по себе возможность такого впечатления уже показательна.

Интересно также, что в некоторые тетради вложены листы, дублирующие их содержание и похожие на черновики к ним. Так, последняя тетрадь дневника, имеющая длинный заголовок «Правдивый отчёт о поездке в Ленинград и в Старую Руссу в ноябре 71 года. Юбилейные торжества (150-летие Достоевского). Люди и мнения»³, содержит в себе отдельный лист из блокнота с беглым изложением части событий⁴. Представляется очевидным, что записи в тетради, по крайней мере, в этом случае предшествовала быстрая фиксация впечатлений в «формате» записной книжки.

Таким образом, ближайшей задачей текстологического изучения дневников является классификация их по степени «литературности/дневниковости», выявление дублирующих листов, а с литературоведческой точки зрения — выявление литературных претекстов и ориентаций их автора.

Сергей С. Шаулов, Башкирский государственный университет

2 Рыбина М. С. «Ленинградская тетрадь» Р. Г. Назиров. Предисловие к публикации // Нева. 2014. № 6. С. 168.

3 АРГН, оп. 4, д. 96, л. 0032—0077.

4 АРГН, оп. 4, д. 96, л. 0044—0045.